

УДК. 821.112.2

Е. В. КУЗНЕЧИК

Беларусь, Новополоцк, Полоцкий государственный университет
имени Евфросинии Полоцкой

ХУДОЖЕСТВЕННОЕ ПРОСТРАНСТВО МЕСТА ПРОЖИВАНИЯ В РОМАНЕ Г.БЁЛЛЯ «ДОМ БЕЗ ХОЗЯИНА»

Ключевые слова: литература Германии после 1945 года, мотив земного рая, мотив руин, образ дома, аллюзии, бытописание.

Аннотация. Рассматриваются средства и способы изображения художественного пространства места проживания в романе Г.Бёлля «Дом без хозяина» (*Haus ohne Hüter*, 1954). Отмечается, что особое место в романе занимает образ дома, избранный для реализации мотива земного рая и мотива руин. Актуализации темы родины способствует использование автором сложной формы интертекстуальности – аллюзии, приема бытописания.

Значимость художественного пространства в прозе определяется его первостепенной связью с проблемой идентичности. Согласно мнению Г. Баузингера основу немецкой идентичности составляют символы, которые включают в себя «немецкий ландшафт» и «память о национальной истории» [4, S. 119, 103]. О. А. Лиденкова развивает мнение Г. Баузингера, утверждая, что «прочные исторические ассоциации превращают национальный ландшафт в элемент культурного наследия, хранилище коллективной памяти», и указывает на особую роль пространственных образов в прозе и подчеркивает их связь «с понятием принадлежности семье, сообществу, нации» [2, с. 82–84].

В художественном пространстве романа Г. Бёлля «Дом без хозяина» в образе дома получает свое воплощение тема родины. Эта взаимосвязь наблюдается уже в названии произведения. Немецкое слово «Heimat» восходит к существительному «Heim», значение которого в некоторой степени соответствует значению слова «Haus». Такая синонимическая корреляция выполняет в тексте смыслоформирующую роль для его понимания и трактовки. Дом, в котором проживает семья Гольштеге (Нелла Бах, ее сын Мартин, ее мать – бабушка Гольштеге), находится в плачевном состоянии: оконные рамы прохудились, насос в подвале не работает, из-за чего вода заливает пол, стоит запах плесени и гнили. Безхозяйственность владельцев привела к тому, что «дом все больше приходил в негодность, хотя денег на то, чтобы содержать его в порядке, хватило бы с избытком. Но никому не было до этого никакого дела» [1, с. 100]. Вместо того, чтобы вызвать кровельщика, были потрачены деньги на покупку десяти цинковых ванн, рас-

ставленных впоследствии на чердаке. Эпизод с протекающей крышей подчеркивает не только нерациональную трату денег, но и халатное отношение обитателей дома к своему жилищу. Состояние дома и жизнь его жильцов метафорично указывают на состояние и положение дел в послевоенной Германии, а точнее в ФРГ: как не был проведен капитальный ремонт дома, так никто в немецком государстве спустя практически десять лет после окончания войны не провел «капитальный ремонт» сложившихся ценностей и общественной морали, ограничиваясь лишь точечным «косметическим ремонтом» либо «подставленными тазиками под протекающую крышей». Дом у Бёлля, в образе которого реализуется мотив руин, становится главным вместилищем памяти, с его разрушения начинается постепенная потеря связи со своей историей. Еще одним признаком уподобления дома родной Германии, избравшей после фашистской диктатуры капиталистический путь развития и переживающей «немецкое экономическое чудо», является символ материального достатка – холодильник. Наличие такого атрибута богатой жизни, а также его содержимое, где хранились «колбасы, бифштексы, кучи крупных свежих яиц, фрукты и овощи», свидетельствует о благосостоянии и высоком уровне жизни всего семейства [1, с. 142].

В противоположность дому семьи Гольштеге автор вводит в структуру романа жилище семьи Брилах (Вильма Брилах, ее сын Генрих и ее дочь Вильма). Брилахи проживают в съемной комнате чердачного типа, что подразумевает некое непостоянство, временность, отсутствие уверенности в завтрашнем дне, которое заключается в возможном выселении жильцов в любой момент. Это жилье не является для них родовым гнездом с семейной историей. Скорее оно служит временным пристанищем, пребывая в котором Вильма Брилах пытается построить новую жизнь. В этой связи угадывается аллюзия на возникшее на немецких землях демократическое государство, население которого сконцентрировалось на построении новой немецкой нации. Для раскрытия образа жилища семьи Брилах автор обращается к бытописанию, а именно к описанию предметов интерьера, кочующих вместе с хозяевами из одной комнаты в другую. При очередном таком переселении подробно описывается весь скарб семьи Брилах: «Рабочие вынесли ящик из-под маргарина, набитый игрушками, потом последовала кровать Генриха. Это, собственно говоря, была обычная дверь с приколоченными к ней деревянными брусками. Сходство с кроватью придавал ей лишь матрац из морской травы да остатки старой занавески, прибитые к краям. На машину погрузили два стула и старый стол <...> Платяной шкаф заменяла доска с крючками, зажатая между стеной и буфетом и занавешенная клеенкой. Клеенка спасала одежду от пыли и водяных брызг. Более или менее пристойно выглядели только две вещи:

сервант, выкрашенный под красное дерево, <...> и кровать Вильмы <...>. Генрих ужаснулся: их вещи, такие привычные в комнате, на своих местах, превратились на улице в кучу рухляди, которую и перевозить-то не стоило» [1, с. 257]. Весь этот хлам и скудность пожитков, накопившиеся за восемь лет проживания в съемной комнате, только подчеркивают крайнюю бедность семьи Брилах, явственно очерчивая занимаемое ими социальное положение. О символической составляющей «хлама» в авторской картине мира Генриха Бёлля пишет И.Б.Роднянская: «Хлам, мусор, отбросы играют ключевую символическую роль едва ли не во всех главных произведениях Бёлля. Во-первых, это социальная эмблема изгойства, отщепенства, отверженности; опознавательная мета всех тех, кого "большое общество" оттеснило на задворки, исключило из благополучных статистических сводок, кто, по мысли Бёлля, должен оказаться в центре внимания художника, приверженного "эстетике человеческого" <...>. <...> Вместе с тем "хлам" "отбросы" – символ из области поэтической метафизики Бёлля. Писатель обстоятельно, даже с нежностью запечатлевает ненужные или отчужденные предметы: коробочки, бумажки, пустые флакончики, осколки бутылок, всякое старье на чердаках, подвалах, яркие цвета грошовых картинок, афиш, плакатов, флажков, этикеток. Хлам, лишенная потребительской ценности, помятая, подобно известному разряду людей, материя вселенной представляет в мире Бёлля совершенно особую, бескорыстную онтологическую ценность <...> [3, с. 348]. Уподобляя оба жилища двум немецким государствам, а жильцов двум народам, их населяющих, Бёлль проводит метафорическую параллель «дом – государство». Таким образом, художественное описание жилого пространства у Бёлля имеет несколько уровней прочтения и может быть интерпретировано как отражение социально-политических особенностей исторического периода, а также как отражение психического и духовного состояния героев, их образа мышления.

Антиподом жилищ двух семей в романе представлен дом в местечке Битенхан, где бывают Мартин Бах и Генрих Брилах. Дом в Битенхане, реализующий мотив земного рая, принадлежит матери Альберта Мухова, который постоянно проживает в доме семьи Гольштеге. Суровой послевоенной реальности противопоставлена идиллическая картина Битенхана: только тут Генрих и Мартин могли «вытворять все, что им заблагорассудится, – ловить рыбу, уходить в долину, кататься на лодке или часами играть за домом в футбол» [1, с. 14]. Идеальную действительность Битенхана дополняют фигура матери Альберта, которая «держала загородный ресторанчик» и «все пекла сама, даже хлеб», посетители ресторана, которые поют песни о любви к родному краю, звонящие «печально и нежно» к обедне колокола церкви [1, с. 14, 271]. Примечательно, что в финальный эпизод романа – сбор всех главных действующих лиц в доме матери Аль-

берта – автор включает религиозный контекст. В этом смысле особую роль играет совместная трапеза: и взрослые, и дети едят вместе, стол изобилует продуктами, недоступными большинству в реальном мире. Битенхан – это своего рода анти-Шлараффенланд, где царит покой, умиротворение, забота о ближнем.

В романе Г. Бёлля тема родины раскрывается через образ дома, в котором реализован как мотив руин, так и мотив земного рая. В образе дома представлены жилища двух семей (Бах-Гольштеге и Брилах), символизирующие два немецких государства. Актуализации темы родины способствует использование всеми авторами сложной формы интертекстуальности – аллюзии, приема бытописания. образу домов упомянутых выше семейств противопоставлен дом в местечке Битенхан, являющий собой подобие рая на земле.

Список использованной литературы

1. Бёлль, Г. Дом без хозяина / Г. Бёлль // Собр. соч.: в 5 т. – М. : Худож. лит., 1990. – Т.2 – с.7 – 280.
2. Лиденкова, О.А. Историческое мифотворчество в современной прозе белорусских и англоязычных авторов / О. А. Лиденкова ; Гомельский гос. ун-т им. Ф. Скорины. – Гомель : ГГУ им. Ф. Скорины, 2022. – 209 с.
3. Роднянская, И.Б. Примечания к «Франкфуртским чтениям» Г. Бёлля / И. Б. Роднянская // Самосознание европейской культуры XX века. Мыслители и писатели Запада о месте культуры в современном обществе. – М. : Изд-во политической литературы, 1991. – с.338 – 351.
4. Bausinger, H. Typisch deutsch. Wie deutsch sind die Deutschen? / H. Bausinger. – München: Verlag C.H. Beck, 2009. – 180 S.
5. Busch, U. Schlaraffenland – eine linke Utopie? / U. Busch // UTOPIE kreativ. Diskussion sozialistischer Alternativen. – 2005. – № 181. – S. 978 – 991.

[К содержанию](#)